

МОТИВЫ ПОЗДНЕГО ТИПА В СКАЗАНИЯХ О МАЛЕЧИПХ

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

В статье устанавливаются функции и характер объективации мотивов позднего типа и их взаимодействие с архаическими элементами повествования в цикле о малютке Малечипх, центрального персонажа сказаний завершающего этапа продуктивной стадии нартского эпоса. Исследуются истоки, функции и роль стадийно различных мотивов в создании единого цельного образа названной героини. Основное внимание уделяется системе духовных ценностей, связанных с идеалом семейной идиллии, женской верности, мудрости и способности изъясняться иносказательно и лаконично, что воспринимается как свидетельство острого ума. Отмечается, что главный персонаж рассматриваемого цикла является носителем эстетических достоинств и этических принципов традиционного раннефеодального адыгского общества. Это и позволяет отнести сказания о девушке Малечипх к заключительной стадии формирования нартского эпоса. В результате исследования выявлено, что при создании данного образа задействованы мотивы как архаические, так и позднего происхождения. В художественном тексте сказаний они образуют органически единое сочетание, что характерно для всех произведений, входящих в данный цикл. Этим определяется главная особенность всего цикла, а также оригинальность образа самой Малечипх и других персонажей.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос, Малечипх, сказание, образ, сюжет, мотивы позднего типа.

Как известно, образ Малечипх создавался в разные исторические эпохи, в связи с чем в нем обнаруживаются наслоения различных стадий развития общества. Поэтому в сказаниях об этой героине можно проследить и мотивы, уходящие своими корнями в глубокую древность, и мотивы, имеющие более позднее происхождение. В предыдущей статье [Хагожеева 2020] мы охарактеризовали архаические элементы в этих сказаниях: определили их истоки, функции и роль в создании образа Малечипх. И, как можно заметить, многие мотивы позднего типа остались за пределами этого исследования, в связи с чем возникло желание восполнить этот пробел в настоящей статье.

В данном случае следует обратить внимание на то, что «возраст» того или иного фольклорного произведения определяется не только наличием или отсутствием в нем компонентов, в основе которых лежат древние мифологические представления. В частности, элементы архаики можно отметить в цикле о Бадинокко. Таковыми являются, например, мотивы чудесного рождения, быстрого роста, различных испытаний, которые во многих случаях связаны с обрядом инициации, героического

сватовства и мн. др. Тем не менее и его образ, и связанные с ним сюжеты ученые относят к более поздней стадии формирования адыгского героического эпоса. И это обусловлено тем, что в отличие от «старших» циклов, здесь во многих сказаниях основным стержнем проходит мотив защиты своей земли, а в самом образе отражены черты идеального средневекового рыцаря, что является новым явлением для нартского эпоса. При этом повествовательная стилистика большинства сказаний близка стилю преданий, а в некоторых случаях – богатырской сказки [см. об этом более подробно: Гутов 2009: 44–49]. Например, в адыгском фольклоре, в частности, в цикле о Бадиноко, широкое распространение получил сюжет под номером АТ 981 (*Почему перестали убивать стариков*), истоки которого восходят к существовавшему у многих народов древнему обычаю, согласно которому с горы сбрасывали одряхлевших стариков. Однако в данном случае сюжет не является прямым отражением исторического прошлого, а, по справедливому замечанию А.М. Гутова, «скорее всего, это, как часто встречается в фольклоре, художественная условность, призванная более рельефно выделить истоки обычая почитания старших, столь распространенного в среде кавказских народов» [Гутов 2009: 47]. Как видно, здесь архаические мотивы переплетаются с мотивами более позднего происхождения, и подобное явление становится характерным признаком практически для всех жанров фольклора. Оно наблюдается и в цикле о Малечипх: в ее образе, а также в сюжетах, посвященных этому персонажу, обнаруживаются мотивы с древней мифологической основой, и прослеживается их связь в едином повествовании с мотивами, возникшими в более позднее время.

Так, в ранних формах героического эпоса, например, в образе Сатаней-гуаши налицо архаические черты. Она наделена магической силой (может останавливать ход солнца), знает язык животных, изготавливает чудодейственные зелья и т.д., является воплощением прообраза Великой Матери, носительницей изначальной мудрости, в то же время она выступает авторитетным советчиком нартов, олицетворением женской чистоты. Малечипх тоже обладает магическими способностями. Она общается на языке зверей и птиц, ее понимают все объекты природы – река, солнце, ветер и пр.; сбываются все ее благопожелания, исполняются ее просьбы к силам природы и даже проклятия. Все это позволяет отнести ее образ к типологическому ряду древних персонажей (Тхагаледж, Сатаней, Уарсариж, Адюх и др.) архаического эпоса. Например, когда Малечипх идет на похороны своего нареченного Унаджоко, встречает на своем пути реку, которая препятствует ей, и она обращается к ней со словами:

– *Зи щыгъур хъэрахъэ,
Зи щагъыр хъэрабэ,
Абхэ я пхъуу
Бедхэ я пхъурьльху,
Узэгъжрэ уякум дьдэбгъэкIмэ...
ТхъэмыцкIэм дыригуIэкIуэц.
Дыногъынци, дынобжынци,
Махуэр макIуэ* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 12] –

Чья поверхность узорчатая,
Чья глубь многоцветная,
Абовых дочь,
Бедовых внучка,
Разделилась бы ты и между собой нас пропустила,
Мы плакальщики по покойному.
Поплакались бы мы тебе, попричитали бы мы тебе,
Да день проходит (*Перевод А.М. Гутова*).

Река выполняет ее просьбу и освобождает дорогу.

Однако основным отличительным признаком Малечипх от ранних персонажей нартского эпоса является знание и идеальное соблюдение норм и правил, указываемых женщине сводом неписанных правил – *адыгэ хабзэ*. Другими словами, в ее образе выявляются черты идеальной девушки-невесты, и то, что Малечипх является абсолютным носителем этических принципов традиционного раннефеодалного адыгского общества, в большей степени, позволяет отнести ее цикл к заключительной стадии формирования нартского эпоса. Как это характерно для некоторых героев архаического эпоса, Малечипх нередко действует наперекор господствующим моральным правилам и выступает в качестве реформатора, что свойственно т.н. культурным героям. Так, инверсия помогает ей расставить нужные акценты в конфликте с окружающими. В сказании она выступает как художественный прием, задействованный с целью усилить необходимость соблюдения правил адыгского этикета. Таким образом, поведение Малечипх, на первый взгляд кажущееся абсолютно парадоксальным, впоследствии оказывается вполне адекватным.

По мнению большинства специалистов, цикл, посвященный этой героине, отражает период разложения первобытнообщинного строя, в силу чего она стала олицетворением семейной идиллии (что включает в себя умение выражаться иносказательно и способность передавать и понимать знаки мужа), женской верности, мудрости и острого ума. На наш взгляд, преимущественно эти ценности лежат в основе поздних мотивов в цикле Малечипх.

Система духовных ценностей, «работающих» в цикле Малечипх, отражает эстетические потребности и стереотипы общества, в котором создавался этот образ. Эти потребности во многом определяют задачу героини эпоса. Так, главная «миссия» Малечипх связана с ее маленьким ростом, что стало контрастным фоном, оттеняющим ее острый ум. Эта физическая особенность в сочетании с идеальным владением поэтическим слогом, с умением говорить афористическими фразами, иносказаниями, знанием тонкостей сложной этикетной системы отвечают требованиям той эпохи, в которой формировался образ Малечипх. В эпосе этого времени главную ценность представляют человеческие качества персонажей, в пользу чего главные герои лишились свойственных им ранее фантастических черт. Физическая сила и нравственные качества богатыря становятся приоритетными в адыгском эпосе. Соответственно, нравственные и интеллектуальные качества женщин в эпосе также выдвигаются на передний план. Поэтому Ш.Х. Хут считает, что основным оружием женщин в нартском эпосе стало острословие [Хут 2003: 83], что, вполне объясняет природу Малечипх, острой на язык. «Маленький рост делает парадоксальными нестандартное, но вполне адекватное поведение героини, подчеркивает ее интеллектуальные способности, являясь олицетворением женского остроумия и хитрости» [Хагожиева 2020: 125]. Таким образом, архаические мотивы в цикле сказаний переплетаются с мотивами позднего происхождения, выражающими нравственные и интеллектуальные идеи.

Мудрость и сила ума Малечипх прослеживается во всех вариантах сказаний. В этом плане хотелось бы привести эпизод из сказания *«Алыг'һэрэ Мэлэч'һэрэ благъэ зэрызхуэхъуар»* – «Как породнились Алиги и Малечи». Когда конь нареченного мужа Малечипх вернулся с пустым седлом, Алиговы послали горевестника к Малечам. Встретив в дороге Малечипх, всадник, не зная, что перед ним невестка Алиговых, спросил, как можно найти дом Маличей. Тогда Малечипх ответила ему в свойственной ей остроумной манере: «– *Малыч'һэ я унэрац, – жи'лац, – ик'и къуажацици, ик'и къуажэжк'эци, – жи'лац, – ик'и къуажэжк'уц, ауэ я унэ шындэбзий ицхъэрэмк'и э г'эд куэныш'ьб т'эк'лу цылыц, – жи'ла»* [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] – «– Маличей дом таков, – отвечала <она>, – он и верхняя часть села, и нижняя часть села, – сказала, – и середина села, только в нижней стороне от дома лежит чуть-чуть куриного помету, – сказала <Малечипх>» (Перевод А.М. Гутова).

Или же она отвечает на вопрос, какая из этих двух дорог ближе к дому Малечей: «– *МыбыкI'э укI'уэмэ, гъуогу жыжьэщ, гъуогу благъэщ, – жиIа. – МобыкI'э укIуэмэ, гъуогу благъэщ, – жиIа. – Уэ узэгуакIуэмкI'э укIуэну ухуитц, – жиIа*» [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] – «Если поедешь вот так – дорога дальняя – дорога близкая [короткая], поедешь вот так – дорога близкая – <дорога дальняя>, – сказала. – По какой ехать – твоя воля, – ответила <Малечипх>» (Перевод А.М. Гутова).

Здесь Малечипх имела в виду, что одна дорога – трудная, другая легкая.

Малечипх владеет идеальным поэтическим слогом, в котором переплетаются парадокс, сатира и истинность. Она всегда говорит иносказательно. Второй смысл ее слов понять может не каждый, и потому на первый взгляд в ее речи видится какой-то парадокс. Только разгадав «завуалированный» смысл ее слов, партнеру открывается абсолютно адекватное значение сказанного. Во всех вариантах сказаний стиль речи Малечипх выдержан в таком духе. Когда ее гости спрашивают, где ее родители, она отвечает им иносказательно:

«– *Уи адэр дэнэ щыIэ? – жаIэу щепуцIым...*
 – *Иримыкъу къытщэну кIуащ, – жиIащ<...>.*
 – *Уи анэр дэнэ здэжIуар? – жаIащ гупым.*
 – *Си анэр кIуащ, IуэхуитIгъэн, – жиIащ <Малычпхъу>*
 [Мэлэчпхъу и усэхэмрэ... 1994: 7] –

«– Где твой отец, – <когда Малечипх> спросили...
 – Пошел продолжить то, что не кончается, – сказала.
 – А куда мать пошла? – спросила <группа всадников>.
 – Мать пошла задерживать два дела, – ответила <Малечипх>»
 (Перевод Л.С. Хагожеевой).

Малечипх, имея в виду, что работа никогда не кончается, иносказательно сказала, что отец ушел трудиться, а мать ушла поболтать к соседке и задержала свои дела и дела соседки.

Малечипх славилась мастерством народного острословия и не всегда добродушным юмором. Женихи приезжали соревноваться с ней в острословии, и она всегда одерживала верх над ними, что было равносильно отказу: «Со всех сторон стекались молодые нарты только для того, чтобы послушать ее умные речи и поглядеть на нее» [Нарты 2002: 394].

Испытать маленькую Малечипх решил и Ашамез, встретив ее впервые, но неожиданный ответ находчивой девушки поразил его и дал надежный отпор. Ашамез слышал, что она остра на язык, и, чтобы разговорить ее, спросил, не видела ли она лошадей. Малечипх поняла, что он хочет испытать ее, и сказала так:

«– *Пцэдджыжь мазэр къыщыцIэзым,*
Си бжэ дазэр зэIуэри,
ТепIэн дазэм ськъыдэплъри...
ПцIэгъуалэр сокуцIэ-сокуцIэу,
ПцIэгъуэплъыр сокуцIэ дамыгъэу,
Къарэр блатхъэхуэ,
Зыхури псытцIэм хэнауэ,
Ижьырабгъу кIаишэу,
Шэсырабгъу сокуу,
КIуэрэ-кIуэрэ ущыжэу –
Апхуэдэ зыгуэрым
Уи адэ Аишэ и шыр ихуащ.
А слъэгъуам укIэлъымыкIуэ,
А слъэгъуам укIэлъымыжэ,

*УкIэлъыжэми, уцIыхъэнукъым,
УцIыхъэми, упэлъэцынукъым, – жери Ашэмэз и адэ Ашэр Лъэбыцэ-
жъейм цукIыу и шыбзыр зэрихуауэ цытыгъар ириудэкIыу ещаци»*

[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 16] –

«– Когда утром месяц выкатился,
И дверь приоткрылась чуть-чуть,
Я посмотрела из-под одеяла...
Серый <конь> с густою гривой,
Гнедой <конь> с гривой особой,
Вороной <конь> со светлыми передними копытами,
Погонщик, застрявший в трясине,
Справа замыкающий,
Слева с большой гривой,
Сперва иноходью, но потом рысью,
Из таких же кто-то
Угнал коня у твоего отца Аша.
Я видела – не преследуй его,
Даже если вслед побежишь – не догонишь,
Догонишь – не победишь, – сказав, она бросила ему <в лицо>, как Тляби-
цажей, убив отца Ашамеза Ашу, угнал его кобылицу»
(Перевод Л.С. Хагоjeeвой).

Именно такая женская мудрость, созидательная сила Малечипх в сказании противопоставлена мировому злу. Малечипх предписана своя поведенческая стилистика, которая помогает ей в этой борьбе. Как отмечал А.Т. Шортанов, «по своей натуре Малечипх порою строптива, но умна, кокетлива, но воздержанна, злоречива, но не зла, хитра, но верна <...>. Ее вызывают на грубость, а она ответит так ласково и находчиво, что грубияну приходится краснеть. Слишком навязчивых нартов она отваживает от себя с тактом и юмором» [Шортанов 1969: 224].

Соглашаясь с А.Т. Шортановым, нужно отметить, что Малечипх, не зла и никогда первой не вступает в конфликт, ее всегда выводят на ответные действия и это всего лишь принцип ее самозащиты. «Многие сказания из цикла о Малечипх строятся по принципу обряда: сначала ее обижают, задевают каким-либо словом или поступком, затем она дает остроумный ответ, иногда содержащий саркастические нотки в адрес того, кто вызвал ее негативную реакцию», – пишет А.М. Дзагаштов [Дзагаштов 2017].

З.П. Кардангушев видит это противостояние в ее борьбе за свое место под солнцем и за свое личное счастье. По его мнению, скрытый смысл образа Малечипх это то, что единственная в своем роде, ни на кого не похожая маленькая девочка, чтобы быть счастливой как все, должна побороться за свое счастье [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ... 1994: 4]. Малечипх резка, но не допускает грубости и оскорбления. А способом борьбы с негативным отношением общества является ее мастерство, острый язык и ум, тонкий юмор и знание тонкостей сложной этнической системы.

Мать Малечипх отправила ее за солью к соседке. Постеснявшись гостей гуаши, она иносказательно передала просьбу матери, полагаясь на ее находчивость. Но та, не поняв скрытого смысла слов Малечипх, сильно задела ее:

«– Нанэ «Пиэрэм и уэд, Уэдым и дагъэ», – жери сыкыгъэкIуащ, – жиIащ Мэлычыпхъу.

– Тхъэм удих уэ Iейр! Сыт мыбы «Пиэрэм и уэд, уэдым и дагъэ», – жыхуиIэр, уэ, тхъэ, лы уимыIэу уцIэлъхуэным, – жери гуащэм, Мэлычыпхъут жыхуиIэр, кыгурымыIуэу къешхыдащ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

«– Нана прислала меня попросить: «То, что без жира в жирном <куске>, <И> жир в безжирном <куске>», – сказала Малечипх.

– Пусть Тха тебя заберет, неказистая! Что означает то, «Что без жира в жирном <куске>, <И> жир в безжирном <куске>»? Клянусь Тха, ты без мужа родишь <ребенка>! – не поняла гуаша, о чем говорит Малечипх и обругала ее» (Перевод М.Ф. Бухурова).

Решив отомстить, Малечипх на второй день отправилась к соседке, чтобы якобы передать просьбу ее мужа, находившегося в походе: приготовить крепкий напиток (*махсмы*) без закваски, дрожжей и подсыпки. Когда князь вернулся из похода, гуаша пожаловалась мужу на его странный приказ. Тогда позвали Малечипх. После того, как она все разъяснила, все увидели разумный смысл ее поступка.

Как видим, стиль речи и поведение Малечипх пронизаны парадоксом, который в сказаниях выступает, преимущественно как художественный прием. «Присутствие Малечипх на похоронах Унаджоко являются знаком того, что она оплакивает нареченного мужа на правах законной жены. Таким образом, создатели эпоса подчеркивают право Малечипх как законной жены Унаджоко. В этом заключен художественный смысл наблюдаемого парадокса. С другой стороны, учитывая, что в более раннюю эпоху «считалось абсолютной нормой, если девушка участвовала в оплакивании нареченного жениха», – пишет Ю.Ю. Карпов [Карпов 2001: 301]. Каким бы парадоксальным не казалось подобное поведение Малечипх, в наше время, все же, оно оправдано древностью данного обычая и системой архаических верований. А в другом варианте сказания содержится информация противоположного характера: «Не в обычае у нартов плач девичий, если умер нареченный до женитьбы» [Нарты 1974: 401]. Разумным объяснением подобного противоречия может быть то, что «в разные исторические эпохи принятые некогда откровенные формы выражения горя сменялись на сдержанность, и наоборот» [Хагожеева 2020: 129]. Таким образом, напластование разных исторических эпох в вариантах сказании о Малечипх может привести к парадоксу. Он вызван меняющимися в разные времена нравственными идеями и убеждениями общества и используется в фольклоре как художественный прием.

Образ Малечипх более ярко воплотил в себя период разложения первобытно-общинного строя, когда во главе семьи стоит мужчина, а женщина находится в его тени и является хранительницей семейного очага. По мнению Ш.Х. Хута, «не случайно все сказания об этой красавице посвящены семейно-бытовой тематике» [Хут 2003: 82]. Также она является символом женской верности и любви. В сказаниях Малечипх отвергает всех женихов, в каждом находит изъяны и остается верна своему нареченному мужу. Свидетельство тому, например, сказание «Как маленькая Малечипх шутила с женихами» [Нарты 2002: 394]. Даже самому завидному жениху, который был уверен в том, что в нем она не найдет изъяна, Малечипх не увидела своего суженного. Заметив всадника у ворот, Малечипх сказала: «*Къеблагъэ, Іэжьэм ису шым тесыж!*» [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ... 1994: 8] – «Добро пожаловать, всадник в санях и на коне!» (Перевод Л.С. Хагожеевой), указывая на то, что носики его обуви торчат, как концы боковин у саней.

Строптивость дочери огорчала мать Малечипх и внушала тревогу за то, что она может остаться одна. На ее замечания Малечипх отвечала спокойно: «*Сэ иджыри сыкъырагъэкъыжа щыкІэкъым. Лы и фыз трамыхмэ, сэ лы сиІэц...*» – «Разве жену отнимают у мужа? У меня есть муж. Он со мной не расходился» [Нарты 2002: 394].

Несмотря на упреки родных и преграды в пути, Малечипх отправляется на похороны Унаджоко и оплакивает его на правах законной жены. Так она выдерживает испытание на верность и добивается своего счастья. Таким образом, обряд оплакивания оказывается по своей функции своеобразным предсвадебным испытанием для героини. Поняв, что ее нареченный муж жив, а известие о его гибели ложное, Малечипх остается в доме жениха, сказав: «– *Дэнэ сыздэкІуэжьыр? Хамэр ирекІуэж, Сэ си унэ сыщІэсыжыц, Къэнар сиІиц*» [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ...

1994: 25] – «– Куда я пойду? Чужие пусть уходят, Я у себя дома, Тот, кто остался – мой муж» (Перевод Л.С. Хагожиевой).

Специфическая черта идеальной жены в сознании народа заключается в способности жены с полуслова понимать мужа и быть ему верной опорой. Умение говорить иносказательно с мужем и расшифровывать его знаки, заслуживали уважения в глазах мужчин. Вот почему в сказании «*Мэлычпхъу и хьыбар*» – «Хабар о Малечипх» князь, оценив эти качества в Малечипх, развелся с женой и женился на ней, сказав: «*«Пиэрым и уэд, уэдым и дагъэр» къэзымыщар сэ гуацэ схуэ-мыхъун*» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] – «Та, которая не понимает, что означает то, что без жира в жирном <куске>, <и> жир в безжирном <куске> не может быть мне женой» (Перевод М.Ф. Бухурова).

Как свидетельствуют варианты сказаний, эти качества Малечипх раскрывала и в супружеской жизни, и давала повод для восторга своему мужу и окружающим. Когда муж Малечипх прислал ей подарок из похода – два куска ткани на платье, то посланцы отрезали от них часть ткани. Заметив это, Малечипх поручила им передать мужу:

*«Вагъуэ из,
Мазэм итI,
Тхэрыкъуэ пцэхуитIым я нсэ,
КъуауицIэ фIыцIитIым ягу хьумыгъэцIын»*
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

*«От звезды – один,
От месяца – два,
Ради двух белогрудых голубей,
Не омрачай сердца двум черным воронам»*
(Перевод А.И. Алиева).

Бейголы-посланцы не поняли скрытый смысл послания гуаши, и им захотелось узнать его. Тогда князь объяснил, что они отрезали с одного куска ткани один локоть, с другого – два локтя, и гуаша просит «ради белогрудых голубей», то есть, ради гуаши и князя не обижать «черных ворон», то есть бейголов. Узнав скрытый смысл послания гуаши, бейголы были восхищены умом Малечипх.

Талант Малечипх выражаться иносказательно проявляется и в другом эпизоде этого же сказания. После похода к князю приехали гости. Малечипх подавала в кунацкую мясо с бульоном и кусочками теста. Когда для одного гостя не хватало куска мяса, князь послал к ней узнать, в чем дело. Тогда, чтобы никого не обидеть, Малечипх передала мужу скрытое послание:

*«Пиэр лъэныкъуэ ирагъэзри
Вагъуэр зэрыз яцIацI»*
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

*«Тучи в сторону отодвинули,
Поделили звездочки»*
(Перевод А.И. Алиевой).

Гостей поразило такое иносказательное послание, и они стали просить князя разъяснить значение слов гуаши. Тогда князь объяснил, что кусочки теста отодвинули и один кусок мяса вынули.

В другом варианте сказания [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] Малечипх выдержала испытание на сообразительность и умение правильно трактовать иносказательное, тем самым превзошла первую жену своего мужа, которой значения слов свекра были поняты в прямом смысле («приставить к дороге лестницу»

означает скоротать время в пути, развлечь спутника в дороге какими-либо рассказами или приятной беседой; «вывести из чащи трех белохвостых коней» – срезать в чаще три длинные жерди и пр. [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7]), и доказала, что обладает желанными чертами женщины для успешной супружеской жизни.

Интеллектуальные способности, умение выражаться лаконично и поэтично, способность трактовать значения знаков и иносказаний ценились высоко в адыгском обществе, и это нашло отражение в фольклоре, в частности, в сказках. В сравнительном указателе сюжетов сказок по системе Аарне-Томпсона [Thompson 1961] (далее АТ) это, например, сюжеты АТ 870–879; АТ 920–929 и др., где удача в делах достигается с помощью острого ума и способности говорить метафорично [Сравнительный указатель... 2005].

«Прямой текст поймет любая жена средних умственных способностей. Но только сверхразумная жена иносказательно переведет на «человеческий язык», из обрывков фраз выстроит-достроит в голове целостную картину информации», – пишут Л.Ф. Хараева и З.А. Кучукова [Хараева, Кучукова 2018: 54]. Как указывают ученые, эти качества оцениваются высоко в адыгском фольклоре и историко-культурным обоснованием считают то, что мужчина большую часть жизни отдавал походам и не имел возможности обсудить с женой какие-то срочные вопросы. В таких случаях ему приходилось передавать ей скрытое послание. С учетом данных обстоятельств, авторы монографии полагают, что «успех мужского предпринимательства во многом зависел от смекалки, прозорливости жены, которая была «домашним» партнером своего отлучившегося мужа» [Хараева, Кучукова 2018: 54]. Другую причину авторы также видят в обычае избегания, принятого у всех северокавказских народов. Нормы этого обычая предполагали избегания встреч и разговоров супругов на виду у других. При необходимости мужчина доводил до жены послание знаками, жестами и скрытыми фразами. По их мнению, эти обстоятельства способствовали формированию способности адыгской женщины с полуслов понимать мужа [Хараева, Кучукова 2018: 54].

В данном случае резонно вспомнить существующее мнение о том, что этикет во многом определяет специфику мышления и стереотипы поведения народа. Как отмечает В.Г. Афанасьев: «Этикет выступает в роли системообразующего, системосохраняющего органа культуры общения, органа управления, если хотите» [Афанасьев 1980: 36]. Исходя из таких теорий, Б.Х. Бгажноков считает, что «этикет это образец, идеал коммуникативного поведения, а культура общения – его реальность» [Бгажноков 2011: 133]. Таким образом, сформировавшиеся в адыгском народе институты и моральные принципы диктуют правила и стандарты коммуникативного поведения и общения.

Также следует иметь в виду, что «этническая специфика общения неотделима от этнических способностей психики» [Бгажноков 2011: 153]. По мнению Б.Х. Бгажнокова, у всех народов в течение жизни вырабатывается специфическая культура общения, которая и является социальной и психологической характеристикой всего этноса [Бгажноков 2011: 154] «Может быть нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношении к им же «созданным» духовным ценностям», – в подтверждение сказанному пишет Г. Шпет [Шпет 1927: 108]. Так, говоря о психологии адыгского народа, следует говорить о движущей силе чувства стыда, скромности, сдержанности, вежливости и т.д. Думаем, что именно эти принципы, специфичные для данного этноса, привели к потребности выражать мысли в скрытой, иносказательной форме, что впоследствии стало показателем высокого интеллектуального и морального воспитания человека в адыгском традиционном обществе. И если проследить психологическую динамику традиционного поведения, можно заключить, что эти этнокультурные правила общения и поведения практиковались на протяжении всей жизни традиционного адыгского

общества, независимо от социального статуса и возраста человека. Также нужно вспомнить, что «у адыгов, еще в конце XVIII века функционировал особый язык князей и дворян» [Бгажноков 2011: 140]. Но не будем забывать, что здесь мы говорим о языке метафор и афоризмов, которые надо расшифровать. В этом плане показателен институт знакомства и созданный для таких целей *девичья комната*. Как известно, она отводилась девушкам брачного возраста для визитов потенциальных женихов. Основная функция девичьих комнат – возможность хозяйки комнаты и собравшейся молодежи найти себе достойного спутника жизни. Соглашаясь с мнением многих исследователей, Л.А. Гутова пишет, что в этих посиделках не было ничего предосудительного. «Напротив, эти комнаты становились местом испытания ума, сообразительности, благородства молодых людей» [Гутова 2010: 59]. Здесь молодежь общалась иносказательно, афоризмами, загадками, с помощью символов и знаков. Таким образом, эти встречи проходили в виде поэтических соревнований. По свидетельству Б.Х. Бгажнокова, на «соревнование в острословии» к девушке приходили не только женихи, но и ее друзья и даже старики, независимо от того сосватана девушка или нет [Бгажноков 2011: 319]. То есть, эти визиты имели дополнительную функцию – развитие нравственного и интеллектуального воспитания молодежи. Очевидно, что этническая психология направлена на сохранение указанных ценностей и во многом определяет суть этнокультурных стереотипов поведения и стандартов общения в адыгском традиционном обществе.

В силу этого Малечипх, как типичный персонаж сказаний завершающего этапа продуктивной стадии героического эпоса, стала носителем названных эстетических качеств. При этом в произведениях об этой героине налицо доминирующее положение мотивов, возникших на базе этих ценностей. И, как показывает анализ материала, они, в сочетании с архаическими элементами, служат своего рода строительным материалом для формирования всего цикла и определяют оригинальность образа самой Малечипх и других героев.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с. (Цит. по кн.: Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 133).
3. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 512 с.
4. Гутов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
5. Гутова Л.А. Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 212 с.
6. Дзагаитов А.М. Традиция и новаторство смеховой культуры в кабардинской прозе: Дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2017. 196 с.
7. Картов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. 416 с.
8. Мэлэчпхъу и усэхэмрэ и хьыбархэмрэ / зыгъэхь. КъардэнгъушӀ Зырамыку. Нальчик: Эльбрус, 1994. Н. 32. (Мелечипх: стихи и сказания / подг. З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 32 с.).
9. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.
10. Нарты. Кабардинский эпос / сост. Х.У. Эльбердов [и др.]. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 526 с.
11. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне-Томпсона / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгэ таурыхьхэр. Том I. Новеллэ таурыхьхэр / зэхэз., хэзыгъ., коммент., сюжетгъэль.

зытхар Тхъэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: Эль-Фа, 2005. Н. 774–821. (Адыгские сказки. В 2-х томах. Т. 1: Новеллистические сказки / сост., вступ. ст., коммент., указ. сюжетов Ж.Г. Тхамокова (Брасва). Налчык: Эль-Фа, 2005. С. 774–821).

12. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

13. *Хагожеева Л.С.* Архаические мотивы в цикле Малечипх // Вестник КБИГИ. 2020. № 2 (45). С. 124–132. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-124-132.

14. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Налчык: Принт Центр, 2018. 192 с. URL: <https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/kuchukova-z.a.-haraeva-l.f.-gender-i-jetnogender-na-materiale-kabardinskoj-zhenskoj-prozy.-nalchik.-izdatelskaja-tipografija-print-centr-2018.-192-s.-pdf> (дата обращения: 04.11.2020).

15. *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.

16. *Шортанов А.Т.* Героический эпос адыгов «Нарты» // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 188–225.

17. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. Вып. 1. М.: Гос. акад. худ. наук, 1927. 147 с. (Цит. по кн.: *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Налчык: Эльбрус, 2011. С. 154).

18. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

LATE-TYPE MOTIVES IN STORIES ABOUT MALECHIPKH

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article establishes the functions and nature of the objectification of late-type motives and their interaction with archaic elements of the narrative in the cycle of legends about the little Malechipkh, the central character of the legends of the final stage of the productive stage of the Nart epic. The sources, functions and role of different stages in the creation of a single integral image of the named heroine are investigated. The main attention is paid to the system of spiritual values associated with the ideal of family idyll, feminine fidelity, wisdom and the ability to express themselves allegorically and concisely, which is perceived as evidence of a sharp mind. It is noted that the main character of the cycle under consideration is the bearer of the aesthetic merits and ethical principles of the traditional early feudal Adyghe society. This allows us to refer the legends about the girl Malechipkh to the final stage of the formation of the Nart epic. As a result of the study, it was revealed that when creating this image, both archaic and late motives were involved. In the literary text of the legends, they form an organically unified combination, which is characteristic of all legends included in this cycle. This determines the main feature of the entire cycle, as well as the originality of the image of Malechipkh herself and other characters.

Keywords: Adyghe Nart epic, Malechipkh, legend, image, plot, motives of the late type.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-105-114